

УДК 392.5(=512.111)
ББК Т521(=635.1)-534

А.А. ОСИПОВ

ОСОБЕННОСТИ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА В ДОМЕ НЕВЕСТЫ У ЧУВАШЕЙ ВИРЬЯЛ

Ключевые слова: свадебный обряд, церемониал, верховые чувашы, поезд родственников жениха и невесты, место свадебного действия, музыкант-исполнитель на волынке, типы свадебных напевов.

Ставится задача определения общей структуры и трансформации центрального этапа церемонии свадебного обряда в доме невесты у чувашей вирьял во взаимодействии с традиционной свадебной музыкой. Исторический период определяется XIX – XX вв., временем расцвета и угасания традиции. Культура этой этнографической группы вызывает научный интерес многих специалистов. Поскольку она является одной из наиболее устойчивой локализованной традицией.

A. OSIPOV

FEATURES OF THE WEDDING CEREMONY IN THE HOUSE OF THE BRIDE IN ACCORDANCE WITH THE RITES OF CHUVASH VIRYAL

Key words: wedding ceremony, ceremonial, Chuvash viryal (highland Chuvash nation), procession of the bride and groom relatives, wedding ceremony venue, bagpiper, types of wedding melodies.

The task is to determine the overall structure and transformation of wedding ceremony in conjunction with the traditional wedding music in the house of the bride of Chuvash viryal. It is embraced by the period of XIX – XX centuries, the time of flourishing and fading of this tradition. The cultural habits of this ethnographic group attract justified scientific interest of many experts as they dispose the most invariable local tradition.

Вопросами структуры свадебного обряда верховых чувашей занимались А.К. Салмин [18], Е.А. Ягафова [20], по ним имеется база источников в научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук, в трудах С.М. Михайлова [2], Словаре Н.И. Ашмарина [1]. В работе над статьей использовались полевые материалы и опубликованные работы автора [13].

Свадьбу *вирьялы* устраивали чаще всего летом по завершении весенних полевых работ. Группы персонажей поезда невесты и жениха формировались параллельно в доме своих родителей. Поезд невесты *хёр туйё*, в котором участвовали её сверстницы *хёр суммисем*, до прибытия поезда жениха выезжал для прощального угощения к своим родственникам [3]. Свадьба невесты возвращалась в родительский дом незадолго до приезда женихова поезда *арсын туйё*, а иногда и вместе. Здесь происходила встреча двух свадеб. К концу XIX в. указанная традиция стала утрачиваться, а во второй половине XX в. – практически прекратилась [4].

Для проведения главных действий церемонии устраивали место гуляния – *шильяк* (варианты – *шилёк*, *силёк*). По четырём сторонам на чурбаны укладывали широкие доски в виде лавок со входом с западной стороны, через который въезжал свадебный поезд жениха. По краям *шильяк* вкапывали срубленные деревца берёзы или липы, внутри ставили стол и стул для главы свадьбы. Место свадебного гуляния устраивалось во дворе, а обрядовые деревца устанавливали даже зимой. «Чаще всего берёза ассоциируется у чувашей с божеством *Шильёк*», – пишет А. Салмин [18. С. 163], указывая на возможность символизации *Туря* через берёзу.

Невеста, покрытая девичьим покрывалом, находилась в отдельном помещении (чулане, клети, в соседнем доме). Свадебным гостям её показывали лишь незадолго до отъезда из родительского дома. Достигнув деревни невесты, поезд жениха останавливался у закрытых ворот её дома. Глава свадьбы *туй лусё* произносил короткое приветствие от имени жениха и его поезда, уплачивал род-

ственникам или сверстницам невесты *алӑк укҫи* – воротные деньги, после чего поезд въезжал во двор. В отдельных описаниях глава свадьбы, жених, старший и младший дружки верхом на конях трижды посолонь объезжали *шыльӑк*. Отец невесты расстилал кошму возле жениха, сидящего верхом на коне, укладывал на неё деньги и подносил кружку с пивом. Если жених приезжал в повозке, встреча имела варианты. Подъехав к дому невесты, жених или глава свадьбы платили воротные деньги, въезжали во двор, где отец невесты встречал жениха. В описаниях старинных свадеб обращает на себя внимание следующее: после въезда жениха и главы свадьбы во двор верхоконные участники поезда делают несколько кругов по улице, пускают лошадей вскачь, проделывая различные трюки, демонстрируя мастерство езды, и только затем въезжают во двор [5].

Шыльӑк в доме родителей невесты.

Начало XX в. Фото из фонда Н.В. Никольского.

Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук

Родственники невесты собрались в *шыльӑк*. Начало XX в.

Фото из фонда Н.В. Никольского.

Научный архив

Чувашского государственного института гуманитарных наук

Во второй половине XX в. встреча жениха с родителями невесты, а чаще с отцом, происходила перед воротами. Жених становился на одеяло или ковёр и подбирал положенные на него деньги. Имеются отдельные описания обрядов, в которых вместо кошмы жениху подкладывали *сытар* – подушку. Но этот элемент, по всей вероятности, является трансформированным вариантом классической традиции, где подушку удлинённой формы подкладывали жениху и членам его свиты, когда они усаживались за стол. Уплата воротных денег происходила на фоне пения многолюдного хора. Музыканты-волынщики, а в поздней традиции гармонисты, демонстрировали мастерство, свадебные женщины – *туй арӑмӑсем* и *пуса каччисем* – неженатые парни пели свадебную песню родственников жениха.

К концу XIX в. в доме невесты уже преобладали церемонии с одним местом гуляния, но традиционно каждый поезд имел свой локус. Их называли главный и малый *шыльӑк*. Родственники жениха и невесты

гуляли врозь, заходить на чужие территории запрещалось. На главном *шыльӑк* находился поезд жениха. Несмотря на запрет, парни со стороны невесты пробирались на чужую территорию. «Из-за этого ... происходят такие драки и побои, что дело доходит до волостного суда» [4]. В традиции с общим локусом для жениха накрывался отдельный стол, за которым он сидел вместе с отцом. Встречаются варианты, где кошму и уплату жениху подкладывали, когда он усаживался за стол [6]. В поздних традициях свита жениха первоначально входила в избу, а затем спустя некоторое время перемещалась в *шыльӑк*. Первыми в дом входили жених или глава свадьбы вместе с отцом. Жениха сопровождали посаженные родители.

Родственники невесты начинали угощать членов свадебного поезда жениха. В этот момент пение приостанавливалось и не возобновлялось до тех пор, пока младший дружка – *кёсён кёрӱ* – не устраивал своего угощения: выкупал у подружек невесты приготовленную хозяевами бочку с пивом и потчевал всех присутствующих [5]. Завершив угощение, младший дружка первым начинал танец под песню женщин. Затем в танец входили *туй ачисем* – неженатые парни, приглашая по очереди женщин своего свадебного поезда. Во второй половине XX в. пиво выкупалось у хозяина дома целым бочонком, который возвращался в послесвадебном обряде угощения – *тавӑрна* – наполненный пивом противоположной стороны [7, 8]. В отдельных традициях невеста, вернувшись после прощания с родственниками, устраивала небольшое отдельное застолье в чулане (амбаре или другом помещении), куда, предварительно уплатив выкуп, входил жених и оставался там на все время свадебного гуляния, выходя с будущей женой только перед отъездом свадебного поезда [5, 9]. Сюда приглашались родственники для угощения и знакомства с молодыми. Среди обычаев начального эпизода церемонии в доме невесты существовал обряд *ура йӑтни* – поднимание за ноги. Сидящего на стуле жениха, с четвертью вина и стаканом, трижды поднимали вверх. На третий раз жених наливал в стакан вино и трижды брызгал на гостей с приговоркой «пусть всем достанется» [10]. К концу XX в. он вышел из обихода.

Глубинное значение сохранял обычай угощения главой поезда жениха родственников невесты. Кроме него в старой традиции гостинцы привозил также старший дружка – *ман кёрӱ* [5]. Угощение главы свадьбы начиналось общим молением. «Полный дом народу, встав на ноги, надев шубу, «молятся нашим языком» (т.е. текстом молитвы исповедующих традиционную религию. – А.О.). Отец невесты, взяв шапку, приоткрыв дверь, молится богу. Затем пробуют гостинцы» [1. Т. 7. С. 56]. Лепёшки – *сӱхӱ*, сыр – *чӑкӑт*, бочонок пива, вино привозили в специальных сумках *такмак*, *кушел* или *пештёр* [5]. Количество гостинцев варьировалось и имело семантическое значение, сыр и лепёшки сохраняются и сегодня. Направляясь за невестой, набирали нечетное количество. Перед отъездом из дома невесты глава свадьбы снова набирал продукты в суму – теперь для угощения (молитвы) в доме жениха. На этот раз набиралось чётное число. По обычаям чувашской традиции гостинцы запрещалось резать ножом, а взяв в руки, необходимо отламывать, молясь и поминая умерших.

После завершения своего угощения глава свадьбы призывал всех к веселью. По указке первой запеваала его жена – *туй пуç арӑмё*, в позднейшей традиции – *хӑйматлӑх амӑшӑ* – посажёная мать, их напев подхватывали все участники свиты жениха [11]. Порядку следования «выступлений» информаторы придают особое значение. Для определения структуры музыкального действия важны регламент и запреты на участие в церемонии отдельным персонажам. Степень их значимости четко определяется замечанием: «На свадебное место (*шыльӑк*. – А.О.) выходит петь и плясать посажёная мать. Ей можно плясать, а посаженому отцу – нельзя. Свадебные парни вначале пляшут, потом поют ...

Посажёному отцу и в это время плясать нельзя... А песни – их зачинает посажёная мать – за ней поют все остальные женщины» [16]. Пение и танцы запрещались главе свадьбы, жениху, невесте, родителям. Для жениха существовал особый запрет на участие в музыкальном действии. Его нарушение могло привести к болезни и даже смерти будущей жены [1. Т. 14. С. 96]. В такой же степени статично поведение невесты. Петь и танцевать ей запрещалось вплоть до обряда инициации, т.е. включения в социум замужних женщин, который проводили через полгода после свадьбы.

В чувашской свадьбе существует два традиционных плача невесты *хёр йёрри* (варианты – *хёр хўххи*, *хёр асәнни*) средненизовой и низовой традиции с рядом узко локальных напевов. В свадьбе верховых чувашей обычай плача невесты не выявляется. Очевидно, указанная традиция вышла из обихода верховых чувашей значительно раньше, в XVIII – начале XIX вв. В традиции борских чувашей нам удалось записать плач невесты местного типа [15]. Они переселились сюда из верховой зоны Чувашии во второй половине XVIII в. [19. С. 82]. Возможно, данный напев привезён ими на новую родину и сохранён до конца XX в.

Важной и ответственной была функция музыкантов-исполнителей *шăпăрçă*, игравших на волынке чувашской разновидности (*шăпăр*) или *купăсçă* – скрипке (*сёрме купăс*). Резервуар *шăпăр* изготавливали из мочевого пузыря быка, поэтому волынщиков в просторечии называли «пузырщики». Музыкант-волынщик считался необыкновенным человеком, наделённым магическими способностями связываться с невидимыми силами. Его присутствие на церемонии, звучание инструмента очищали происходящее, защищали молодых от «нечистой силы» и враждебного вмешательства [4]. К концу XIX в. из народной обрядности волынка начинает вытесняться гармониками, но вплоть до первой четверти XX в. она звучала на свадьбах и обрядах погребения [2. С. 41]. Кроме волынки на верховой свадьбе играли на чувашской разновидности барабана – *параппан*. Он звучал в ансамбле с волынкой для сопровождения танцев, а также в аккомпанементе к обрядовым песням. В чувашской традиции *параппан* локально дифференцирован. В низовой традиции он не имел подобного распространения, а в средненизовой бытовал только в зоне, приграничной с верховыми чувашами. Сегодня *параппан* используют в ансамбле с гармониками. В свадебной церемонии много театральности, демонстрационности, что проявляется не только в чётком разделении действий между персонажами, но и в самой игре, танцах, пении. Неженатые парни поезда жениха поднимаются на доски *шыльăк* для того, чтобы плясать [5]. Описывая свадьбу, С. Михайлов приводит факт исполнения плясовых мелодий музыкантами, которые играли, стоя на досках *шыльăк* [2. С. 62]. В его же работе один из главных персонажей свадьбы произносит свои слова, «встав на устроенные лавки шилик» [2. С. 67].

Встречным угощением поезду жениха следовало угощение подружек невесты – *хёр сұмёсем*. В структуре обряда, соответствующей обычаям некрещёных чувашей, подружки невесты персонально подносили младшему дружке миску с едой и каравай хлеба, часть которого он откусывал и забирал с собой. После чего родственники невесты приносят «полштофа вина, ведро пива, блины и угощают свадебных людей» [6]. Встречное угощение производилось не произвольно, а имело обрядово обусловленное место. Очевидно, что горбушку хлеба, которую брал с собой младший дружка, использовали в молении в честь молодых в доме жениха. В данной традиции музыкальное действие начинали после завершения встречного угощения. В более поздних обрядах встречное угощение производилось параллельно танцам и пению. В игровой форме девушки продавали ложки вначале младшему дружке, затем холостым парням и другим персонажам – мужчинам. Угощали мясным бульоном *шўрпе*, пирогами и хлебом [5]. В

отдельных традициях современной свадьбы зафиксирован обряд угощения пирогами с кисточкой – *моркка*, *муркка кукӓлӓ*. *Моркка*, как и марийское *морко*, переводится «кисть, украшение». Пекут мелкие пирожки с разной начинкой, с одного конца их продевают ниткой, к которой прикрепляют кисточку из разноцветных ниток или вышитый платок. Подружки невесты дарят пирожки во время танца *моркка ташиши*, приглашая неженатых парней поезда жениха. Возможно, танец *моркка ташиши* является результатом взаимовлияния с соседними марийцами и трансформировался в один из элементов обряда взаимного угощения. Поскольку обнаруживается лишь во второй половине XX в., а локально ограничен в приграничье Чебоксарского и Моргаушского районов [17. С. 74].

В отдельных описаниях свадьбы в доме невесты упоминается обряд *ура эрехӓ* (досл. «вино для ног»). Члены поезда жениха угощают родственников невесты параллельно с музыкальным действием [16]. Он бытует там, где в начале церемониала утрачен обряд угощения младшим дружкой и главой свадьбы. Переместившись несколько позднее в центральный эпизод, он трансформировался и приобрёл другое название. В некоторых традициях бытует обычай обрядового кушанья. После выкупа невесту усаживают рядом с женихом и угощают яичницей [10]. В качестве обрядового кушанья служит встречное угощение родственников невесты в других современных традициях. Подруги невесты варят суп с клёцками на молоке и угощают родственников жениха за выкуп [12]. Об этих обычаях не упоминается ни в одном из описаний XIX в. Их проводили в доме жениха после привоза невесты. В таком виде они существуют и поныне, кроме сёл юго-восточной части Ядринского района. Очевидно, что два последних эпизода являются элементами современного варианта.

В старой традиции важное значение имел обряд вывода невесты из клетки в *шыльӓк* или в избу. Глава поезда невесты *вӓй-кил-поҫ* приходил трижды к родителям невесты и спрашивал о деталях приданого. Переговоры имели игровой характер. Получив удовлетворительный ответ родителей, глава поезда подходил к невесте и с пожеланием здоровья выпивал пиво из ковшика. После чего подружки накидывали ей покрывало, которое та трижды отвергла. Глава поезда давал указание волынщику своего поезда играть плясовую мелодию и начинал свадебный танец, приглашая подружек невесты. После танца невесту приводили к столу в *шыльӓк* или избу, где для неё было приготовлено своё место. В старой традиции, где было два локуса противоположных поезда (два *шыльӓк* или *шыльӓк* с родственниками жениха и изба с родственниками невесты), в каждом из них существовало своё музыкальное действие со своими исполнителями. Во время наиболее активного музыкального действия перед началом заключительного этапа церемонии две противоположные группы соединялись. В этом эпизоде внимание участников обращали на себя волынщики – они устраивали соревнование, которое часто заканчивалось опасными для здоровья эксцессами – «от каковой натуги часто случается, что у иного музыканта открывается кровотечение из носу и рта, и, наконец, истощив последние силы, он падает замертво...» [2. С. 38].

Заключительный этап церемонии начинался последним угощением свадебных гостей и одариванием невестой близких родственников и подружек. Все это служило сигналом к окончанию свадьбы в доме невесты. Посажённые родители приводили невесту в *шыльӓк*, где она раздавала подарки своим родным и близким в протянутые правые руки. После чего посажённый отец спрашивал, нравится ли подарок, впору ли. Родственники отдаривались уплатой девичьих денег *хёр укҫи*. По данным С.М. Михайлова, невеста угощает каждого по отдельности пивом, а тот «кладёт ей грош или пятак ... и даже по полтиннику, смотря по достатку» [2. С. 60]. Прощаясь с родителями, она просила благословения. Волынщики играли наигрыши, специально предназначенные для

подобных случаев [2. С. 64]. Перед выходом невесту благословляли родители – мать вручала лепешку *сӳхӳ*, отец – икону. Взявшись за руку и тесно прижавшись друг к другу, молодые выходили из дома в сопровождении посажёного отца. В повозку молодых обязательно укладывали перину. В ранних описаниях невесту под покрывалом выносили и усаживали верхом на лошадь [2. С. 65]. Посажёная мать в этот момент сольно пела напев свадебной песни поезда жениха с текстом, комментирующим происходящее [6].

Важный этап заключительного эпизода – вынос приданого. Его могли выносить по указанию невесты во время раздачи подарков, а также после того как её вывели. Женщины и парни из поезда жениха поют распространённую в верховой и средненизовой традиции формулу «Дайте приданого столько, чтобы продавился обод телеги» [3, 11]. Предварительно выкупленное у подружек невесты приданое младший дружка или посажёный отец выносили на специальную повозку. Захватив со стола встречные гостинцы – лепешки *сӳхӳ*, сыр *чӑкӑт* – от родителей невесты, последним выходил глава поезда жениха. Выходя спрашивал «все ли выехали со двора?» [2. С. 65]. Перед самым выездом жених трижды ударял плёткой невесту. Этот обычай с разными трансформациями исполнялся и в поздних традициях [4]. Жених и младший дружка верхом на конях трижды посолонь объезжали *шыльӑк*, младший дружка пускал стрелу на восток. Её находили дети и возвращали главе свадьбы [2. С. 64]. В современной традиции выкуп приданого называют *сытар сӑлни* или *тӳшек сӑлни* – выкуп подушки или перины. Во время раздачи подарков невестой жених угощает гостей пивом. Завершая обряд, он наливает два стакана и оставляет на столе. Благословение родителей производится одновременно с одариванием. Мать или крёстная вручают невесте икону и каравай хлеба. В этот момент посажёная мать вместе с женой главы поезда поют свадебный напев с текстом, призывающим невесту к выезду. Данный эпизод имеет символическое значение и является драматургической кульминацией всей церемонии в доме невесты.

Корпус свадебной церемонии в доме невесты у чувашей вирьял находится в русле традиций тюркских предков чувашей скотоводов-кочевников (тенденция к компактному расположению двух поездов в своих локусах, использование молочных продуктов в качестве сакральных, демонстрация верховных наездников перед воротами дома невесты, свадебный кортеж вокруг *шыльӑк* трижды посолонь, трехкратное поднимание на «ура» жениха и кропление вином присутствующих, использование кошмы при встрече жениха).

Устройство свадебного места *шыльӑк* имело одновременно несколько функций: являлось пространством исполнения церемонии, моления богу, совершения обрядов; разделяло два поезда; выполняло функции подмостков для исполнения песен и танцев, произнесения обрядовых текстов в наиболее значимые эпизоды церемонии, а также для выступления музыкантов в наиболее кульминационных моментах музыкального действия.

Начало танцев и пения, наиболее активный этап, целесообразно отметить как центральный эпизод церемониала в доме невесты. Его продолжительность регламентировалась началом комплекса обрядов-действий, предназначенных для увоза невесты. Порядок их следования варьируется, но традиция устойчива. Структура музыкального действия соответствует общей тенденции: групповое действие предваряется первоначальным сольным исполнением напева или танца одним из главных персонажей. Обряд, как и синкретически связанный с ним музыкальный материал, имеет строго организованную систему.

Выявляется четыре типа формирования мелодической строфы, строго закреплённых за поездами свадебных напевов родственников жениха и невесты [13. С. 122]. Для верховых напевов характерны двух- и трёхсекционные типы. Односекционный тип, наиболее характерный для горных мари, встречается зна-

чительно реже, а четырёхсекционный – в зонах смежных со средненизовой традицией. Отдельные виды распева определяются как жанровые, поскольку встречаются исключительно в свадебных мелодиях [13. С. 132]. Типичными интонационными построениями являются нисходящее направление кадансов, мелодическая строка с характерным рефреном, а также каданс с захватом тонов ниже опорного [13. С. 136]. Последнее, как элемент материнского оригинала верховой традиции, сохранился в свадебных напевах закамских чувашей. Мелострофа с рефреном свидетельствует о том, что, сохраняя маркеры собственной культуры, верховая традиция находилась в тесной связи со средненизовой [14].

В системе социальных отношений музыкант-волынщик приравнивался к руководителям обряда, выполнявшим обрядовые религиозные функции в сельской общине. Указанный персонаж продолжал исполнять их и с принятием чувашами христианства. В структуре обряда музыка выполняла одну из самых важных и значимых элементов. Считалось, что музыкант (в аутентичной традиции волынщик или скрипач) звуками инструмента общается с богом, сохраняя обряд от порчи и подобной ему самому чужой силы [13. С. 50]. Современная традиция церемониала в значительной степени утратила характер состоятельности поездов. Причина состоит в слиянии локусов действия противоположных поездов и трансформации обряда поезда невесты. Утрачены развитая персонажность и, соответственно, их функции, забыты многие элементы, формирующие структуру игры. Действия членов поезда в игре неконкретны и несут общий характер.

Литература и источники

1. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Казань; Чебоксары, 1928–1950. Т. 1–17.
2. *Михайлов С.М.* Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1972. 424 с.
3. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 146. Л. 697. Кондратьев П. Ёлэхки чăвашсен туйё (Свадьба старинных чувашей).
4. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 287. Л. 359. Ятманов Я.
5. НА ЧГИГН 3 – НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 147. Л. 165. Андреева Т. Туй (Свадьба).
6. НА ЧГИГН 4 – НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 209. Л. 447–458.
7. НА ЧГИГН 5 – НА ЧГИГН. Отд. VI. Ед. хр. 542. № 3. Сообщения Иштудовой П.Я., 1921 г.р., Иштудовой А.Г., 1951 г.р.
8. НА ЧГИГН. Отд. VI. Ед. хр. 423. № 19. Сообщение Шишкина Г.Е., 1932 г.р.
9. НА ЧГИГН. Отд. IV. Ед. хр. 529. № 56. Сообщение Носиковой Е.П., 1933 г.р.
10. НА ЧГИГН. Отд. IV. Ед. хр. 529. № 24. Сообщение Сергеевой А.С., 1918 г.р.
11. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 268. Л. 81. Тимофеева В. Чикме уес.. Той синчен (Козьмодемьянский уезд. О свадьбе).
12. НА ЧГИГН. Отд. VI. Ед. хр. 529. № 33. Сообщение Васильева М.В., 1930 г.р.
13. *Осипов А.А.* Чувашская свадьба. Обряд и музыка свадьбы вирьял. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. 206 с.
14. *Осипов А.А.* Свадебные песни чувашей анат енчи (Музыкальная типология) // Вопросы истории и теории искусств: сб. ст. / Научно-исследовательский институт яз., лит., истории и экономики. Чебоксары, 1992. С. 86–109.
15. ПМА – Полевые материалы автора 1996 г., № 6 в с. Большое Алдаркино, сообщение Степановой А.А. 1916 г.р.; № 40 в с. Неприк, сообщение Николаевой В.Ф. 1907 г.р., из Борского района Самарской области.
16. ПМК – Материалы экспедиции 1992 г. М. Кондратьева, № 78, сообщения Ефимовой Р.Н., 1933 г.р., Ивановой Л.А., 1948 г.р., из д. Старые Мадики Юськасинского с/с Моргаушского района.
17. *Попова Л.А.* Нам пляску заводить: танцы верховых чувашей / Чуваш. респ. Дом нар. творчества. Чебоксары, 2011. 127 с.
18. *Салмин А.К.* Традиционные обряды и верования чувашей. СПб.: Наука, 2010. 240 с.
19. *Ягафова Е.А.* Самарские чувашы (историко-этнографические очерки). Конец XVII – начало XX вв. Самара: Поволжье, 1998. 368 с.
20. *Ягафова Е.А.* Чувашы Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII-начало XX вв.) / ЧГИГН. Чебоксары, 2007. 530 с.

ОСИПОВ АЛЕКСАНДР АРКАДЬЕВИЧ – соискатель ученой степени кандидата исторических наук кафедры археологии, этнографии и региональной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (alaros@yandex.ru).

OSIPOV ALEXANDER – a competitor of scientific degree of historical sciences candidate of Archaeology, Ethnography and Local History Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.
